

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА – ГОРОЖАНЕ АРКТИЧЕСКИХ ШИРОТ

УДК 39 (470.1/.2)

ВВЕДЕНИЕ К СПЕЦИАЛЬНОЙ ТЕМЕ НОМЕРА¹

Дмитрий Функ

Аннотация. Во введении к специальной теме номера журнала затрагиваются общие проблемы антропологического изучения групп коренных малочисленных народов Севера России, проживающих в городах, и, шире, городского образа жизни этих групп, включая такие их характеристики как лидерство, паттерны потребления, солидарность, интернет-культуру и ряд иных.

Ключевые слова: городская антропология; особенности современных антропологических исследований; коренные малочисленные народы Севера РФ

Тема, о которой пойдет речь в предлагаемых ниже вниманию читателей пяти статьях, до настоящего времени, к сожалению, занимает чрезвычайно малое место в антропологических исследованиях. Речь идет об аборигенном населении северных широт, живущем в городах. Хотя городская этнология в отношении Европы, обеих Америк и Австралии за последние десятилетия превратилась в одну из важнейших исследовательских областей нашей дисциплины, для части Африки и особенно Арктики или Севера образ охотника, рыболова или, скажем, оленевода (более широко – скотовода), по-прежнему остается главенствующим в наших представлениях об этих регионах. Соответствует ли он современной действительности, и если нет, то каковы причины отсутствия антропологических исследований в городах Севера? Вместе с приглашенными к участию в этой специальной теме авторами мы попробуем приблизиться к пониманию ответа на эти вопросы через обсуждение ряда важных тем. Основным для нас в данном случае будет попытка посмотреть, в каких именно дискурсах представлены некоторые новые тенденции в жизни городской части арктических/северных этнических групп.

Для начала несколько слов о географии. Казалось бы, общеизвестно, что собственно Арктикой или Циркумполярным Севером называется та часть Земли, южная граница которой проходит по 66°33'44" северной широты. Но на практике все гораздо сложнее. Такая известная международ-

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009).

ная организация как Arctic Monitoring and Assessment Program или, например, авторы недавнего (2004 г.) «Доклада о развитии человека в Арктике» (Arctic Human Development Report), проводят эту границу существенно южнее. В частности, южная граница почти всей Канадской Арктики идет по 60-й параллели, местами захватывая территории, лежащие еще на 5 и даже на 8 градусов южнее. Применительно к Российской территории эксперты гораздо более «прохладны» и в основном не опускают южную границу ниже 62-63-й параллели, лишь на восточном побережье Камчатки доходя до 55-й. Хотя даже в этом случае на территории Российской Арктики оказывается почти 2 миллиона человек, то есть столько же, сколько на всех арктических территориях всех других стран мира.

Поскольку разговор пойдет лишь (в основном) об азиатской части России, то нам придется принять во внимание еще и политический аспект определения южных границ Севера. В Российской Федерации еще с советского периода, кроме Крайнего Севера, принято выделять так называемые *районы, приравненные к территориям Крайнего Севера*. В большинстве случаев основанием для такого выделения, помимо политических или экономических причин, служила все же и фактическая суровость климатических условий на значительной части Сибири, не исключая и самых южных её областей. Здесь нечему удивляться, поскольку зона распространения вечной мерзлоты, пермафроста, охватывает, за небольшим исключением, практически весь этот регион.

Исходя из всего вышесказанного, с достаточной долей уверенности и оснований за южную границу Арктики в Северной Азии можно принять 55-ю параллель, помня при этом, что в ряде случаев «территории Крайнего Севера» и «приравненные к Крайнему Северу территории» могут находиться еще южнее, порой на южных государственных границах России, как, например, вся Республика Тыва (Тува).

В самом начале этого краткого введения уже было сказано о том незначительном месте, которое занимает городская тематика в арктических и сибиреведческих этнологических штудиях. Поскольку кому-то это заявление может показаться излишне легковесным и неубедительным, позволю себе несколько комментариев.

Подтвердить правильность сказанного можно как самостоятельно, проанализировав тематику диссертаций и монографий последних десятилетий, посвященных аборигенам высоких широт, так и – если из-за недостатка времени Вы доверяете такого рода работу другим исследователям – обратившись, например, к известным историческим и историографическим работам. В ряду наиболее ярких исследований 1990-х – 2000-х годов, безусловно (сибиреведы, уверен, согласятся с таким выбором), стоят работы Юрия Слезкина (Slezkine 1994) и Петера Швайцера (Schweitzer 2001).

Первая из названных работ рассматривала общую историческую канву процесса продвижения России и Советского Союза в Сибирь и

постепенной трансформации аборигенных культур. В этой связи затрагивалась также и индустриализация Севера, приведшая среди прочего и к переселению коренного населения в города и превращению северян в индустриальных рабочих, но с точки зрения антропологии само это население по большому счету не рассматривалось.

Во второй работе, несмотря на то, что ее основной задачей был анализ истории этнологического сибиреведения, что с успехом удалось автору, мы не находим вообще никаких оценок достижений сибиреведения в области городской антропологии: этой темы просто нет в диссертации. Не акцентируя на этом особо внимания, можно, конечно же, заметить, что уже в середине девяностых стали появляться работы, построенные на полевых этнографических материалах, собранных в маленьких сибирских городах или поселках городского типа (напр., Bloch 2004 (в качестве диссертации эта работа была защищена в Питтсбурге еще в 1996 г.), но в целом следует признать, что коллега Швайцер имел абсолютно все основания для того, чтобы не обсуждать тему, которой, по сути, просто не было в наших исследованиях.

Если мы посмотрим на внушительный список диссертаций и монографий 1990-х – 2000-х годов, посвященных народам Севера и Сибири Российской Федерации, то обнаружим, что в них речь идет почти исключительно об оленеводах, порой об охотниках, в крайнем случае, о сельских жителях и лишь как исключение об аборигенах больших поселков, но никак не городов. Вечная тяга этнографов к экзотике и наконец-то открытое для исследований «поле» – это стало особенно актуальным для наших западных коллег – привели к очевидной недооценке исследований в области городской этнологии.

В качестве объяснительной модели такого крена в исследовательских интересах зарубежных коллег вполне может подойти, например, презентация прекрасной серии книг 2002–2004 годов о реформах в постсоветской Сибири под редакцией Эриха Кастена, в которой – на последней странице обложки первой из книг серии – мы читаем: “While much has been written on post-Soviet change in Russian urban centres, we still know very little about how these changes have affected peoples’ lives in rural communities” (Kasten 2002). Последовавшая в 2005 г. публикация сразу нескольких солидных монографий наших молодых европейских коллег-сибиреведов в серии *Halle Studies in the Anthropology of Eurasia* вольно или невольно продолжила заданное направление. Все книги оказались сконцентрированы на кочевом, в лучшем случае – сельском аборигенном населении. И в этом смысле можно сколь угодно долго и восторженно обсуждать вписанность этих работ в контекст мировой антропологии с ее теоретическими изысками (в недостатке чего часто и во многом оправданно упрекают русскоязычных этнографов), но есть ли в этом смысл, если уже в самом начале исследований была сделана

серьезнейшая методологическая или, пожалуй, даже идеологическая ошибка...

Что касается публикаций российских этнологов, то хотя за последние два десятилетия ими было издано несколько сот монографий, до самого недавнего времени среди них также не было специальных работ в области городской этнологии, построенных на сибирских материалах по коренным малочисленным народам Севера.

В итоге, игнорирование этнографами Российского Севера и Сибири как индустриального региона с высочайшим уровнем урбанизации, по-прежнему остается характерным признаком слабости нашей дисциплины. Лучше всего эту проблему удалось сформулировать знаменитому британскому антропологу Пирсу Витебски, который на одной из конференций 2003 г. в г. Галле в Германии сказал «Western scholars follow the footpath of Soviet ethnographers <...>, as they go to the tundra and the taiga and tend to ignore that Siberia is an industrial region where the level of urbanization is extremely high» (цит. по: Ventsel 2009: 8).

Невнимательность к урбанизации в Сибири, действительно, сложно объяснить. За послевоенный период на этой огромной территории были возведены сотни городов и поселков городского типа и – что можно было легко отследить даже по материалам переписей населения страны – численность тех, кого сегодня принято называть коренные малочисленные народы Севера, КМНС и кто стал горожанами, росло порой в геометрической прогрессии. По данным двух последних Всероссийских переписей населения, 2002 и 2010 гг., почти два десятка из числа КМНС оказались, как минимум, на 30% именно горожанами. А у нескольких этнических групп процент горожан оказался еще более высоким, от 40 до 60%, достигая своего максимума у шорцев (71,12% в 2002 г. и 72,57% – в переписи 2010 г.).

Еще одним, условно говоря, «извиняющим» обстоятельством невнимания антропологов к аборигенам-горожанам могло стать российское законодательство, согласно которому коренными малочисленными народами признаются «народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями», а под традиционным образом жизни малочисленных народов при этом понимается «исторически сложившийся способ жизнеобеспечения малочисленных народов, основанный на историческом опыте их предков в области природопользования, самобытной социальной организации проживания, самобытной культуры, сохранения обычаев и верований» (ст. 1 Федерального закона от 30 апреля 1999 г. N 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»).

Если опираться лишь на эти «определения» (позабыв о том, что законы, как правило, отстают от реалий жизни), то вполне можно приблизиться к пониманию того, почему городская антропология обошла у нас городских КМНС стороной. Этнографы видимо решили, что поскольку «традиционный образ жизни» в городах вряд ли возможен, и что «самобытная культура» априори не может здесь сохраняться, то и город не может быть местом их профессионального внимания.

Незначительный интерес в отечественной науке к темам городской антропологии в целом хорошо можно видеть в тематике Всероссийских конгрессов этнографов и антропологов. Общая тема X Конгресса, проходившего в 2013 г. в Москве, «Современный город и социально-культурная модернизация России», не должна вводить в заблуждение. На IX Конгрессе в Петрозаводске (2011 г.) напрямую городской антропологии была посвящена фактически лишь секция о коренных малочисленных народах Севера, а на VIII Конгрессе в Оренбурге (2009 г.), насколько я помню, единственная секция по городской антропологии так и не собрала на заседание своих организаторов и участников.

Статьи, представленные на страницах этого номера журнала, по большей части являются дообработанными текстами докладов, прозвучавших на упомянутой выше секции Конгресса этнографов и антропологов России в Петрозаводске. Их авторы, антропологи из стран с богатыми сибиреведческими традициями, имеют собственный большой опыт полевой работы и, что еще важнее, умеют видеть и слышать происходящее вокруг них. Это чрезвычайно важно, поскольку лишь так можно заметить, например, новые паттерны потребления алкоголя, выводящие нас на теоретические проблемы рождения и функционирования аборигенных этнических идентичностей в современном урбанистическом мире (см. статью венгерского антрополога Золтана Надя). Это позволяет заметить и то, как некоммерческие организации коренных малочисленных народов – чрезвычайно распространенный в России феномен девяностых-двухтысячных, – благодаря участию в системе бюрократических отношений, формируют особое изолированное смысловое поле, перекладывая в итоге задачу поддержания солидарности внутри групп коренных малочисленных народов на иные, менее формализованные институты (статья российского антрополога Дениса Маслова). Сходные проблемы – анализ роли национальных лидеров, «индигенных космополитов», в современной жизни КМНС, но на широком фоне в целом сибирских и северных материалов и с отсылкой читателей к самой современной литературе великолепно представляет в своей статье, открывающей весь представляемый здесь блок текстов, одна из наиболее известных американских исследовательниц сибирских культур Марджори Балзер. Этапной для антропологического сибиреведения, уверен, станет публикуемая нами работа Надежды Ма-

монтовой, исследовательницы из Финляндии с российским образовательным бэкграундом, о том, как эвенки репрезентируют современную эвенкийскую культуру с помощью информационных технологий. Этот сюжет выводит автора статьи на обсуждение важнейшего для всех аборигенных культур (а фактически и для государственной национальной политики) вопроса о технологиях, которые якобы являются угрозой «традиционности», «исконному» образу жизни и сохранению языков этих народов. Безусловно, вызовет интерес специалистов (а в оценке ряда сюжетов и желание поспорить) знакомство со статьей российской исследовательницы из Магадана Людмилы Хаховской, попытавшейся выявить уровни проявления этнической отличительности северных аборигенов в городском пространстве Магадана. Суммируя свой богатый опыт полевых наблюдений, автор задается такими вопросами, как «каким образом проявляется этническая специфика в условиях города, в какие формы и движения она канализируется, какое влияние этноориентированная деятельность оказывает на коренных северян <...> и окружающее сообщество».

Шаг за шагом мы приходим к осознанию одной простой, но принципиально важной мысли: город, особенно современный, это не просто «большая деревня» с национальными кварталами или квартирами и это даже не просто некое четко очерченное пространство, которое обязательно должно совпадать с границами города на официальных картах. Здесь невероятное обилие и привычных и порой самых неожиданных тем, в большинстве случаев – о чем важно помнить – не имеющих никакого отношения ни к каким сюжетам из области этнической идентичности. И чем раньше мы научимся это видеть и понимать, тем более яркой станет та этнография города, которую мы пытаемся писать.

Литература

- Bloch A.* Red ties and residential school: indigenous Siberians in a post-Soviet state. Pennsylvania, 2004.
- Kasten E.* (ed.) People and the land. Pathways to reform in Post-Soviet Siberia. Dietrich Reimer Verlag, Berlin, 2002.
- Schweitzer P.* Siberia and Anthropology: National Traditions and Transnational Moments in the History of Research. Habilitationsschrift. Wien, 2001.
- Slezkine Yu.* Arctic Mirrors. Russia and the Small Peoples of the North. Cornell Univ. Press, 1994.
- Ventsel A.* Introduction: Generation P in the Tundra. Young People and the Russian North. Folklore: Electronic Journal of Folklore, 2009, Vol. 41. P. 7–32. doi:10.7592/FEJF2009.41.ventsel

Статья поступила в редакцию 30.06.2014 г.

Dmitri Funk

INTRODUCING THE THEME

Summary. The introduction to the special theme of the Journal's issue deals with general issues in the anthropological study of groups of indigenous peoples of the Russia's North residing in cities and, more broadly, of their urban way of life, including such characteristics as leadership, consumption patterns, solidarity, internet culture and a number of other ones.

Keywords: urban anthropology; characteristics of contemporary anthropological research; small indigenous peoples of the North of the Russian Federation.

References

- Bloch A. *Red ties and residential school: indigenous Siberians in a post-Soviet state*. Pennsylvania, 2004.
- Kasten E. (ed.) *People and the land. Pathways to reform in Post-Soviet Siberia*. Dietrich Reimer Verlag, Berlin, 2002.
- Schweitzer P. *Siberia and Anthropology: National Traditions and Transnational Moments in the History of Research*. Habilitationsschrift. Wien, 2001.
- Slezkine Yu. *Arctic Mirrors. Russia and the Small Peoples of the North*. Cornell Univ. Press, 1994.
- Ventsel A. Introduction: Generation P in the Tundra. Young People and the Russian North, *Folklore: Electronic Journal of Folklore*, 2009, Vol. 41, pp. 7–32. doi:10.7592/FEJF2009.41.ventsel